DOI: 10.17976/jpps/2020.02.11

ПРИВАТИЗАЦИЯ БУДУЩЕГО. ДВИЖЕНИЕ К НОВОЙ СЕМАНТИКЕ, КОНЦЕПЦИИ И ПРАКТИКЕ МИРА

А.И. Неклесса

НЕКЛЕССА Александр Иванович, руководитель Группы "Север-Юг" Центра цивилизационных и региональных исследований, Институт Африки РАН, председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета "История мировой культуры" при Президиуме РАН, Москва, email: neklessa@intelros.ru

Неклесса А.И. Приватизация будущего. Движение к новой семантике, концепции и практике мира. – Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 153-166. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.11

Статья поступила в редакцию: 22.04.2019. Принята к публикации: 16.12.2019

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформационных процессов в антропологическом космосе, где стратегические преимущества переходят к системам, способным эффективно функционировать в условиях новизны и неопределенности. Глобализацию сопровождает не менее интенсивная реконструкция социума и процессы индивидуации – антипод массовой имплозивной атомизации. Проактивная личность, частные и партнерские институты, трансграничные сообщества конкурируют с привычными институтами. Иерархии утрачивают бюрократическую определенность, а расширение возможностей личности означает повышение вариабельности практики, предопределяя перенастройку концерта держав от симфонии наций к полифонии политий. Геополитическая логика замещается геоэкономической, в подвижной среде с эластичной архитектурой возрастает роль социокультурной гравитации (геокультуры), ускоряется перераспределение по планете человеческого капитала с учетом качественных характеристик (геоантропология). Обращается внимание на изменение "режима знания" – формирование категориального аппарата, соответствующего сложности процессов. Новые подходы востребованы при создании моделей мироустройства, определяющую роль в которых играет социокультурное притяжение и функциональная связность локальностей, куда стекаются профессиональные и пассионарные антропологические ресурсы. Tour de force преобразований, отрицая прежние идео-политические форматы, асимметричным образом проявляется в различных цивилизационных зонах. Россия, попав в начале прошлого века в водоворот истории, сегодня демонстрирует агрессивно-защитные реакции и мыслит мир преимущественно в категориях прошлого, в рамках оборонного сознания. Она тоже становится миром корпораций и сообществ, однако реализует собственную версию приватизации будущего, мысля власть не как механизм коэволюции граждан, но как курирующую государственные структуры властную корпорацию. Социокультурная имплозия и антропологическая катастрофа продуцируют дефицит национальной элиты и активного гражданского слоя, что является фундаментальным препятствием при освоении протеообразных миров и устремленности в глубины эволюционной битвы за будущее.

Ключевые слова: будущее, эволюция, прогнозирование, методология, постсовременность, индивидуация, геокультура, геоантропология, Россия.

Мировой дух творит историю, пользуясь частными интересами.
Георг Вильгельм Фридрих Гегель

По возвращении в прошлом году с Давосского форума тогдашний министр экономического развития РФ Максим Орешкин на встрече членов правительства с российским президентом высказал два соображения. Первое: "суперцикл активной глобализации", длившийся 30 лет, подошел к концу[1], нарастает тенденция деглобализации и национализма. И второе: политическая напряженность, социальная турбулентность в мире усиливаются, а представители крупнейших компаний и государств не находят "серьезного способа решения этой проблематики"[2].

На логику данных рассуждений вероятно влияет сумма событий и явлений, активно обсуждаемых в прессе, в том числе научной и околонаучной. Ситуация, однако, мне видится несколько иначе: "Представьте лодку под парусом, плывущую при попутном ветре, но что произойдет, если на нее поставить мощный мотор? Парус прогнется в другую сторону, а у путешественника возникнет иллюзия, будто ветер изменил направление, подул в лицо. Иначе говоря, этот 'встречный ветер' на самом деле – реакция на ту мощь, которую обрело судно. Нечто подобное происходит сегодня и с цивилизацией"[3].

КОЛОНИЗАЦИЯ БУДУЩЕГО

Актуальное состояние миропорядка – не деглобализация, скорее реконфигурация. Планетарная экспансия цивилизации продолжалась все же не три десятилетия, а последний "суперцикл" связан в основном с концом идеополитической биполярности мира и преодолением препон глобальному рынку. Полнота охвата и многообразие субъектов создают новый формат среды – ее активно преобразуемую и деформируемую целостность.

Сегодня акцент мировой динамики переносится с горизонтальной, пространственно-территориальной экспансии на вертикальную, диахронную устремленность – интенсивную колонизацию будущего, наполняя смыслами, обустраивая и технологически оснащая несфокусированные зыбкие земли, что, как и всякая новация, сталкивается с противодействием. "Ветер преодолеваемой инерции дует в лицо с интенсивностью, соразмерной прилагаемым усилиям, а число и разнообразие конфликтных ситуаций действительно растет. И может восприниматься как мейнстрим процесса, но это все же не так"[4].

Стратегические преимущества переходят к высокоадаптивным и адаптируемым к новым условиям системам, способным эффективно действовать в динамичной среде нелинейных процессов организации и самоорганизации. Происходит многоаспектная перестройка антропологического космоса, а также перенастройка методов его познания, обновление дисциплинарных рассуждений о природе человека и общества. "Проактивная личность, частные и партнерские институты, трансграничные антропо-социальные сообщества приходят на смену скованному регламентами Левиафану"[5]. Иерархии утрачи-

[1] "Орешкин доложил Путину о настроениях в Давосе: обстановка в мире ухудшается, напряженность растет". – *Oilru.com*. 30.01.2019. URL: http://www.oilru.com/news/559586/ (accessed 02.02.2020).

[2] Там же.

[3] Неклесса А. Попытки отлучить народ от власти – это государственная измена. – *Бизнес-газета*. 15.03.2019. URL: https://www.business-gazeta.ru/article/416929 (accessed 02.02.2020).

[4] Там же.

[5] Там же.

вают бюрократическую определенность, сумма планетарных горизонтальных связей конкурирует с национальной архитектоникой, проекты соревнуются с институтами, административное декретирование оказывается все менее эффективным, а приватные автократии состязаются с растущим политическим многоголосием. Расширение диапазона технологических возможностей вкупе с процессом персонализации мира – его субъектной самостийностью и многоголосием – привносит бо́льшую степень расплывчатости и гибкости в мировую практику, предопределяя перенастройку концерта держав от симфонии наций к полифонии политий, что влечет иную сумму рисков и, вероятно, станет для современной цивилизации критическим испытанием.

Проектирование развития (т.е. будущего) акцентирует в зависимости от калибра субъектов действия тот или иной регистр и метод изучения и решения проблемы. Мы по-прежнему мыслим миропорядок в привычных образах национальной суверенности и соответствующих институтов, взаимодействий, административно-политических карт социокосмоса. И сквозь призму проецируемых на них сюжетов воспринимаем, истолковываем мир. Но он уже не таков, устои сместились, мы движемся к новой концепции, языку и практике многофакторных трансграничных взаимодействий. Геополитическая логика замещается и вытесняется геоэкономической, а в "подвижной среде с эластичной архитектурой доминирует социокультурная притягательность территорий (геокультура), ускоряется перераспределение человеческих ресурсов (геоантропология)"[6].

Геополитика – это, по сути, мрачная ностальгия, прямой контроль территорий – завоевание земель, перестало быть приоритетом. Роль геополитики ослабевает, из военно-географической области активность перемещается в сферу транспортных, ресурсных, энергетических, торговых коммуникаций, трансформируясь в геоэкономические конструкты. Сегодня контроль деятельных пространств, управление процессами промышленной диверсификации, наличие инновационных активов, распределение высокотехнологичных локусов, кооперация и связи важнее обладания земными территориями, что к тому же подчас оказывается не ресурсом, а обременением.

Оболочка практики, перерастая пространственные разграничения, технологические и кадровые возможности отдельных стран, обретает политическое измерение. Актуальный язык глобального социума, отчасти искажаемый рецидивами прошлого, – геоэкономика. В этой модели мироустройства "можно выделить шесть пространств: транснациональный Север (глобальное управление), североатлантический Запад (высокие технологии), тихоокеанское кольцо Нового Востока (индустриальное производство), тропический контур Юга (сырьевая экономика), сухопутный океан Северной Евразии (весьма специфический ареал), трансграничный Глубокий Юг (трофейная экономика)"[7]. Цели и рекомендации геополитики и геоэкономики существенно разнятся, равно как используемые ими средства организации и господства. Рассматривая сценарии партнерского, конкурентного и силового взаимодействия, видим, что возникающие проблемы решаются сегодня в конечном счете посредством геоэкономического инструментария.

[6] Там же.

[7] Там же.

Геоэкономический *modus operandi* и его властные толкования – текущее состояние и доминирующее восприятие глобальной практики. Это основной, но не единственный вектор ее планирования, воспроизводства и развития. Растет значение геокультуры: наличия у субъекта политического действия современных институтов, кодов развития и развитой, комплексной физической и социкультурной инфраструктуры. Вот поучительный пример из анналов истории: Адам Смит, рассуждая о благотворном характере конкуренции и описывая механизм "невидимой руки", превращающей совокупность частных интересов в общее благо [Смит 2017], предполагал при этом, что социальным императивом практики, обеспечивающим результативность данной механики, является соблюдение "законов справедливости" [Смит 1997]. Подобная констатация вполне совпадает и с логикой Макса Вебера [Вебер 1990], и с позицией Фрэнсиса Фукуямы по вопросу о значении такого социокультурного фактора, как "доверие" для успешного функционирования и развития экономики и общества в целом [Фукуяма 2004].

Роль нематериальных активов, социальных гармоник, образованности и морали населения, многообразия и отлаженности общественных связей постепенно выходит на передний план. В результате сильнее проявляется социокультурная аттракция одних регионов и токсичность других, обуславливая совокупность векторов миграционных потоков, трансформируя картографию человеческой вселенной.

КАРТОГРАФИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО КОСМОСА

При обсуждении российских обстоятельств даже профессиональная аудитория с некоторым скепсисом воспринимает незамысловатую мысль: основная проблема страны – это состояние ее культуры. Культура, понимаемая как цивилизованность, определяет качество социальной среды, формирует основы поведения (этику, мораль), легитимирует статус исполнительной, законодательной и судебной систем, обеспечивает устойчивость политических процедур и т.д.

Слабое осознание катастрофичности социокультурной ситуации в России, возможно, связано с узким, поверхностным толкованием данной категории, а также памятью о ее былых, каталогизированных и музеефицированных достижениях. Высокая культура задает горний горизонт и отворяет метафизические бездны, требует усилий по удержанию подлинности мысли и языка, а также "цепи памяти" [Hervieu-Léger 2000], чтобы избежать травматических рецидивов дикости, варварских рекуррентностей и невосполнимых утрат. Культурный капитал есть нечто более обстоятельное и обширное, нежели только литература, изобразительные искусства, музыка, театр, транслирующие в мир необходимую ему художественную сложность. Все это – важные аспекты культуры, ее феноменология, сумма реализованных даров и талантов, инструментарий национального и всемирного аутопоэзиса, однако социокультурный статус страны и народа этим не исчерпывается. Общий культурный уровень популяции предопределяет господствующее мировидение, моральный капитал, понимание нормы, социальное поведение и здравомыслие, представления о свободе и ответственности, наличие инфраструктуры развития и толкования целей эволюции.

Разрывы, перепады, провалы в сохранении и освоении культурных активов не отрицают их абсолютное значение, но вследствие геокультурной инверсии

девальвируют достижения, которые, даже сохраняясь, рискуют оказаться невостребованными артефактами, а их настоящие и потенциальные создатели – лишними людьми. Противоречия коренятся не только в актуальных системах ценностей, различии стилей практики, но также в разладе взаимной трансляции и ретрансляции культурных достижений между стратами и поколениями, провоцируя раздор, продуцируя негативное домино нравов и проецируя на всю сумму общественных связей сполохи аномии. Наследуемая и развиваемая культура, помимо прочего, это еще и удерживающий предел социальной связности, особенно для отягощенных дисгармоничным разнообразием сообществ. Ситуацию усугубляет предчувствие грядущей эволюционной волны – "весны людей", предполагающей вселенские смещения и смешения, умножения и переселения, существенное преобразование ценностей и смыслов, порождающее попутно обилие девиаций. Будущая картография практики так или иначе сопряжена с "геоантропологией: суммой процессов и обстоятельств, возникающих при распределении и перераспределении человеческих ресурсов на планете с учетом их качественных характеристик" [Неклесса 2016: 22].

Устойчивость существующего строя подвергается сомнению; управление новизной доминирует над индустриальной экспансией, качественные характеристики над количественными показателями, процедурами репликации и перераспределения уже достигнутого, а уникальность и бриколаж (*bricolage*) приобретают особый смысл и значение. При моделировании нового статуса мира девальвируются прописи современности, расширяется вариативность практик, появляются призраки "ужасающей сложности" глобальных социальных взаимодействий ("*пространство факториалов"*). Одновременно возникает специфическое творческое изобилие, отчасти компенсирующее многочисленные сбои и ошибки транзита, в то время как персонализированные и аутсорсинговые композиции заполняют пространства инновационной практики.

В прогнозе социокультурной событийности все чаще прописывается когнитивный и ментальный переворот. Обновляется и перетолковывается категориальный аппарат, вбирающий элементы теории сложных систем (аттрактор, фрактальность, когерентность), в чем-то схожий с языком квантовой механики, ее принципами неопределенности, дополнительности. А в топографии глобального социума изменяется система координат. Личностная и ментальная эмансипация вкупе с осознанием усугубляющейся сложности бытия и его постсекулярных перепрочтений замещает и вытесняет умозрительную рациональность[8]. Общий же характер (*парадигму*) новых устоев и отчасти познанных закономерностей нам еще предстоит осознать.

Переосмысление миропорядка – естественное следствие серьезных перемен. Меняется инструментарий, применяемый для понимания сути

[8] На ум приходит спор многострадального Иова с Творцом, в сущности, о пределах истинности умозрительных концептов. А заодно диспуты в Парижском университете (XIII в.), поставившие под сомнение и осудившие Аристотелев критерий истины – логическую непротиворечивость. Предложив взамен иной критерий: проверку истинности утверждений наряду с библейским кодексом бытия и общежития ("Книгой Откровения") – "Книгу Природы", сотворенной нечеловеческим разумом (т.е. познание истины и сути жизни через познание не человеком предустановленных законов). Решение подвергнуть испытанию людскую логику заложило основу новоевропейской науки – вердикт свободного от игр разума арбитра: эксперимент. Тем самым – открывая возможность сложной картины мира, не укладывающейся в рамки привычно-логичных представлений о порядке вещей (e.g. квантовая физика, теория относительности etc.).

происходящего. Сложные, нелинейные процессы, протекающие в природе и обществе, изучаются и моделируются при помощи теории динамического хаоса (Андрей Колмогоров, Юрген Мозер, Эдвард Лоренц), концепций самоподдерживающегося развития (Уильям Ростоу, Гру Харлем Брундтланд), самоорганизующейся критичности [Bak 1996]. Постулируется "новый диалог человека с природой" [Пригожин 2000], углубивший наше понимание характера и поведения сложных систем. Используются принципы фрактальной геометрии [Мандельброт 2002], подходы негативной диалектики [Адорно 2003], деконструкции бинарных суждений [Деррида 2000], экспериментальной философии [Experimental Philosophy... 2008], модельно-зависимого реализма [Пенроуз и др. 2008] и ряда других теорий и дисциплинарных техник для изучения драматичных состояний вселенной. Намечается модификация "режима истины" [Фуко 1994], очерчиваются контуры исследовательской позиции, допускающей присутствие метафизических смыслов, художественных и мультикультурных языков в легитимном дискурсивном пространстве с включением элементов личностного знания [Полани 1985], влияющего на проблематику исследований и стиль дисциплинарного анализа.

Понятие доминантной территории цивилизации также оказывается неоднозначным, не только в категориях "дополненной реальности", но сама динамика развития трансгрессирует рубежи национальных границ, не пренебрегая глобальной непрерывностью переворота и представляя распределенное множество разномерных локусов эволюции, рассредоточенных практически по всей планете. Инновационные геокультурный и геоантропологический атласы могут иметь причудливый формат – они конструируются как гроздья глокальных объектов со сложной архитектурой (геометрией размещения). Совокупное общежитие культиваторов будущего – это физические (поселения, диаспоры, корпорации) и виртуальные (интранеты, социальные сети, сообщества программ) сгустки частным образом регулируемых связей – заметно иная, нежели организуемая государством, аккумуляция цивилизационной силы. Обретая интегральную субъектность, глобальный мультиград становится универсальным сопряжением динамичных и пассионарных компонентов синтетической сборки, автономной от оболочек национальной принадлежности. Совокупное множество территориально рассредоточенных амбициозных предприятий, "долин", меритократичных доменов, самоорганизующихся сообществ и муниципалитетов *per se*, а не государств, инициирует и перенимает эстафету развития. Определяющую роль в этих комплексных моделях играет социальная гравитация и функциональная связность интенсивно резонирующих притягательных локальностей, куда стекаются профессиональные и предприимчивые антропологические ресурсы – интеллектуальный и кадровый капитал человечества.

Последний по времени рейтинг городов с позиций инновационной экономики (креативного статуса) подразделяет их на 5 кластеров: (1) сплетения; (2) хабы; (3) узлы; (4) продвинутые; (5) стартапы. Данная классификация – реестр городских сообществ по степени проникновения за горизонт событий (*probing*) и обратного влиянии на мир. В этом индексе дюжина лидеров такова: Нью-Йорк, Токио, Лондон, Лос-Анжелес, Сингапур, Париж, Чикаго, Бостон, Сан-Франциско-Сан-Хосе, Торонто, Мельбурн, Берлин[9]. Тут прежде всего ва-

[9] *Innovation Cities™ Index 2019: Global. Innovation Cities™ Program*. 2019. URL: https://www.innovation-cities.com/index-2019-global-city-rankings/18842/ (accessed 02.02.2020).

жен сам подход – ориентация на точки роста, т.е. на глокальных лидеров перемен; это еще одна версия возможной композиции настигающего нас будущего.

Личностный суверенитет, продуктивная оригинальность, персональная позиция – в человеческой вселенной зажигается, гаснет, мерцает множество блуждающих звезд, разнящихся по степени и качеству их влияния на ход событий. Космополитическую эмансипацию и творческую проактивность, индивидуальную конкуренцию и антисистемный перформанс, вирусологию мемов и виртуальный произвол тенью сопровождают акционизм прямого действия, экстремизм разнообразного толка и деструкция. А в социополитической и предпринимательской среде властно утверждается влиятельный персонаж – *manterpriser* (*man* – человек; *enterprise* – предприятие), человек-предприятие – аргумент, а не функция, субъект, а не сумма влияний, автор и актор проектности перемен. Все эти события развиваются в контексте парадоксальной массовизации элит и политического пробуждения масс (сложное общество), изменяя рубежи лояльностей, трансформируя принадлежность к сообществам, т.е. существенно обновляя параметры и регламенты практики.

Социальные клише и политологические стереотипы туманят исследовательскую прозорливость, фокусировка на глобализации туманит в*и*дение процессов индивидуации, геокультурной конденсации и специфической корпоративизации мира. Понятие корпорации в данных обстоятельствах отличается от привычного экономического шаблона. Комплексные организмы напоминают скорее свои средневековые аналоги, т.е. являются объединениями людей, связанных профессиональной деятельностью либо соборной устремленностью, наподобие былых ремесленных цехов, “невидимых коллегий”, сети университетов, “содружеств миннезингеров”, политтеологических или мафиозных сообществ. В среде глобальных коммуникаций они получают возможность интенсивно и соборно взаимодействовать – конструктивно либо деструктивно – поверх бюрократических институций, национальных монополий, этатистских либо партаппаратных конструкций, поверх территориальных границ и прочих барьеров. Происходящее “расплетение” этнонациональных сообществ подразумевает б*о*льшую объемность коммуникаций, восприятий и взаимодействий, позволяя глубже осознать метафизические и человеческие горизонты, созидательную и разрушительную природу человека, социальные горизонты и потенциальные возможности личности. Эту новую фазу цивилизации можно определить как сложно организованное (*когерентное*) общество, где общественная эволюция в свою очередь предполагает перманентное усложнение структур (*эмерджентность*) в предчувствии антропологической сингулярности.

О чем же говорил Максим Орешкин? В сущности, об одном из аспектов актуальной исторической динамики – пафосе нового национализма, “встречном ветре” цивилизации, совокупном протесте прежнего мира, т.е. о событийности в каких-то чертах аналогичной процессам, сопровождавшим “Тридцатилетнюю войну” прошлого века. Но сейчас все-таки иная трансформация и схизма: умножение национальных государств сменилось их политической дисплазией, своего рода негативной реакцией на происходящие перемены, включающей, в числе прочего, кумулятивный резонанс, объединяющий несогласных с подобным развитием событий. Это – своего рода бунт оказавшихся за бортом новой социальной сборки, пытающихся пролонгировать собственное бытие с помощью отвергнутых конструктов

прежнего строя, помноженный на суммарную энергетику альтернативных сценариев перемен – маргинальных на данный момент утопий и дистопий наступившего эона. Здесь тоже действует комплексная корпорация, и она также представляет определенную роевую силу, базирующуюся на достижениях и феноменах прошлого века: демографическом взрыве, массовом обществе, всеобщем избирательном праве, этатистской культуре, индустриальном производстве. Политический интеграл и совокупный капитал подобных коллективных умонастроений, страхов и надежд – популизм.

БУДУЩЕЕ КАК УСИЛИЕ

Проблема с планированием будущего заключается в том, что оно не существует в настоящем. Однако это двусмысленное небытие сродни неопределенности кота Шрёдингера: будущего вроде бы нет, но с ним приходится считаться, опознавать и культивировать. Его генетика заключена в истории, но историю невозможно реплицировать – настоящее, обновляя бытие, разламывает и дробит скорлупу былого. Футуристория как вектор анизотропного транзита по своей сути неопределенна и полифонична, ее "спящие гены" проявляются и мутируют сообразно нашим делам и мыслям.

Прошлое нельзя изменить, но можно переосмыслить; будущее сложно осмыслить, но можно изменить. Живя в эпоху перемен, мы обосновываем рассуждения опытом, т.е. прошлым, и, как результат, подвергаемся гипнозу стереотипов. Анализируя прошлое, осознавая настоящее, моделируя грядущее, мы исходим из зафиксированных памятью тенденций, сопрягая их с профессиональной интуицией, подобное моделирование содержит риски, в том числе и неизвестной природы[10], это творческий процесс. Во времена транзита познание будущего становится важнее изучения прошлого. К тому же обретение будущего – возможность, никак не гарантированная движением стрелок, у социального времени свой, субъективный и асимметричный циферблат. Будущее обретается за счет нетривиальных усилий, отбрасывая при этом тень: осваивать приходится неизвестные земли, преодолевая настороженность и даже враждебность к инаковости, порою на крутых поворотах и в непростых коллизиях триумф воли состязается с моральным императивом, оставляя за собой пепелища – свалку истории. Стагнация же и склонность к неоархаизации, равно как и карнавал карго-имитаций, предполагают кризис эволюции, имплозию истории, отказ от созидания будущего.

Готова ли Россия к умной реализации постсовременного транзита? Мастерство стратегического анализа и планирования зависит от культуры квалифицированного прогноза, способности опознавать грядущий ланд-

[10] "Now what is the message there? The message is that there are no 'knowns'. There are thing we know that we know. There are known unknowns. That is to say there are things that we now know we don't know. But there are also unknown unknowns. There are things we don't know we don't know. So when we do the best we can and we pull all this information together, and we then say well that's basically what we see as the situation, that is really only the known knowns and the known unknowns. And each year, we discover a few more of those unknown unknowns" ("Итак, что это за сообщение? Сообщение в том, что нет 'известных'. Мы знаем, что мы знаем. Есть известные неизвестные. Так сказать, есть нечто, о чем мы теперь знаем, что не знаем. Но есть также и неизвестные неизвестные. Есть нечто, о чем мы не знаем, что мы не знаем. Поэтому, мы делаем все, что можем, мы собираем всю доступную информацию, и мы полагаем, что в основном представляем ситуацию, – но имеем дело лишь с известными известными и известными неизвестными. И притом каждый год обнаруживаем еще несколько неизвестных неизвестных" (перевод ред.)). См. Rumsfeld D. Press Conference by US Secretary of Defense, Donald Rumsfeld. – *NATO HQ*. 06.06. 2002. https://www.nato.int/docu/speech/2002/s020606g.htm (accessed 02.02.2020).

шафт и формулировать модели эффективного поведения в изменчивой среде (*преадаптация*). Вторгаясь в области практики, где контракт – понятие относительное, где нет властно определенного миропорядка и плодятся слабо формализованные, лишь косвенно сопряженные с национальными доменами персонажи, человек приучается мыслить парадоксами, подправляя и обуздывая их логикой. Чтобы отвечать на нетривиальные вызовы, нужны, очевидно, умственная мощь, ученая рафинированность, моральная твердость, корпоративная честь и третейская непредвзятость, т.е. все те человеческие качества, которые в России, к сожалению, в резком дефиците. Равно как и фактически отсутствующая система национального стратегического планирования/управления будущим. Это – оценочное суждение автора, однако его подтверждают не только былые пертурбации с продекларированным некогда "светлым будущим", но и, к примеру, более близкая к нам по времени судьба как начальных, так и скорректированных версий "Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года"[11]. Ее печальная участь показала реальную прогностическую квалификацию политикума страны.

Отсутствует также публичное и внятное обсуждение российских насущных проблем и перспектив. Пропагандистская риторика, "желаемые" декорации и лубочные артефакты демонстрируют стойкую неуверенность в будущем, попытки подчинить реальность конъюнктурным интересам, а электронная симуляция событий смещает и замещает практику. В какой-то момент, когда еще казалось, что нельзя вообще не рассуждать о будущем, в качестве эрзаца распространилось так называемое "прогнозирование желаемого будущего", однако последнее время заметно стойкое нежелание вообще обсуждать данную проблематику. Дело доходит до курьезов. Некоторое время назад вышло, к примеру, объемное исследование "Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам" [Мир в XXI... 2018], но... это мир без России. Описание ее будущего состояния отсутствует не только как отдельная глава наряду с другими сюжетами, но даже в разделе, посвященном постсоветскому пространству.

Растерянность российского политкласса перед будущим понятна: современная политическая система РФ подвергалась и продолжает подвергаться деформациям провластного самостроя, но, что более важно, в стране нарастает дефицит культуры современности, дефицит активного гражданского общества. Наблюдается снижение эмпатии, обескровлены социальные коммуникации, осложнена самоорганизация. Отход от регламентов политической нации и кодекса современности также предоставляет определенные преимущества этнокультурным, региональным, интразональным идентификациям, предполагая очередной цикл соответствующих напряжений и деформаций. Это тяжелый диагноз, анамнез которого требует некоторого исторического комментария, не уходя, впрочем, вглубь веков.

РОССИЙСКАЯ ПЕРИПЕТИЯ

Заметна определенная странность. Россия, соучаствуя в начале прошлого столетия в футуристическом перевороте, сегодня демонстрирует агрессивно-

[11] Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. – *Правительство Российской Федерации. Распоряжение № 1662. от 17 ноября 2008 г.* 2008. 197 с. URL: http://static.government.ru/media/files/aaooFKSheDLiM99HEcyrygytfmGzrnAX.pdf (accessed 02.02.2020).

защитные реакции и мыслит мир преимущественно в категориях прошлого, в рамках оборонного сознания. Отсюда соответствующая аранжировка актуальных тем. Меняя политические формы и внешний декор, страна по существу стремится воспроизвести некую самодержавно-имперскую либо партийно-централистскую версию персонализированной "властной вертикали", симулируя по мере возможностей порядки современности. Объективные результаты при этом наводят на мысли о судьбе айсберга в кипящем жизнью океане.

Весь прошлый век – время всемирного переворота. Глобализация, правда, в несколько иной ипостаси, уже присутствует у его порога, когда планету в соответствии с принципом "эффективной оккупации" разделили главные субъекты миропорядка. Историю в тот период расцвечивает калейдоскоп открытий и перемен, реализуемых людьми, устремленными в будущее, – революции в политике, науке, экономике, культуре пронизывают плоть столетия. Рушились империи: в начале века – континентальные, в его середине – морские, океанические, возникал и обустраивался новый мир. Начиная с Версальской конференции, прочерчивалась иная политическая геометрия Европы, а затем – мира, на основе умножения национальных государств. К власти в этих странах приходили люди, которых я бы охарактеризовал как социальных инженеров [Неклесса 2007]. Россия в то время – деятельный персонаж, объект и субъект в том историческом действии.

Политические проекты времени отражали торжество универсальной инженерной культуры, утверждавшейся практически повсеместно, сопровождаясь социальными пертурбациями. Один из не слишком очевидных и нередко превратно понимаемых примеров – "Великая депрессия" в США: следствие техно-технологического прорыва, апофеоз и кризис внезапно обрушившегося на страну товарного изобилия. Звучит как парадокс, но тогда талантливые инновации привели к массовому, конвейерному производству, переизбытку продукции и уже как следствие – избытку рабочей силы, т.е. безработице, а соответственно и падению кредитоспособного спроса. Круг замкнулся, перенастройка социума на новый лад заняла некоторый срок, потребовав переосмысления политической механики и серьезных перемен в целом.

Этатизм как феномен социоинженерной культуры, прихода к власти партийной номенклатуры, воплощая дух футуризма и эксплуатируя последствия "восстания масс", использовал энергетику индустриального *tour de force,* конструируя версии становления и обустройства нового мира. Политическая инженерия тех лет сама по себе была исторической новацией, и выглядела она не менее технологичной, результативной и впечатляющей, чем техническая, но в отличие от нее, имела дело с более сложным объектом – человеком. Механистичная рациональность директивной социальной государственности, скроенной по лекалам индустриализма, входила в противоречие с человеческой природой. Программы индустриальной культуры, обеспечивая включение масс в общенациональную проблематику и повестку, однако нивелировали индивидуальную субъектность, спектр персональных инициатив сужался, а возраставшая сложность конфликтов все чаще создавала предельные ситуации. Требовалось высокое мастерство, чтобы верно прочертить курс и провести страну сквозь бурные воды вселенского транзита, не будучи уловленными пением сирен. Когда проектируемая утопия не может быть воплощена, она продуцирует у апологетов фрустрацию и компенсаторную мегаломанию.

Будучи же связанной с политической властью, утопическая ментальность требует жертв, порождает террор, сопрягая неутолимую жажду промысленного идеала с внутренней оккупацией и внешней агрессией, вдохновляемой идеями национального, либо интернационального социализма. Деятельный утопизм, соединенный с насилием и акционизмом, демонстрирует сегодня ИГИЛ (запрещенная в РФ организация. – *Прим. ред.*).

Рассуждая о превратностях судьбы России: Российской империи, СССР, а затем их юридической наследницы, страны с новой геометрией – Российской Федерации, можно использовать следующую аналоговую симуляцию. Представим участь, скажем, Британской империи, если бы метрополия находилась не на отделенном океанами острове, а где-то посреди Африканского либо Азиатского континента. Связи, переплетения метрополии и зависимых пространств стали бы кратно теснее[12].

Внутриконтинентальная деколонизация проходит сложнее, постколониальный синдром, особенно если он сопровождается еще и социальной революцией, грозит не только изгнанием внешних администраций и разрывом кровных связей, но также чреват возможностью "встречной реколонизации", т.е. культурным перерождением метрополии и возможностью замещения ее новой исторической общностью. Тут существенное различие рисков деколонизации континентальных и морских империй, их судеб в XX в. Возможно, это отчасти объясняет, почему, несмотря на срединное положение России между Европой и Азией, ее проблематика по ряду параметров напоминает, скорее, некоторые типологические черты африканских или, в большей степени, латиноамериканских стран.

Российская континентальная империя не делилась четко на процветающую метрополию и отсталые, развиваемые и эксплуатируемые колонии. Это было пестрое сообщество взаимопроникающих культур, в котором европейские территории сосуществовали с разноудаленными азиатскими ареалами, постепенно осваиваемыми метрополией и отчасти перетекавшими в нее. Революция 1917 г. стала синтетической деконструкцией имперского *status quo*, объединив городскую революцию и крестьянско-солдатское восстание с национальными, антиколониальными движениями и футуристическим порывом людей, жаждавших воплощения своих утопий, сопровождая их утверждение разрушением всего, что определялось ими как костное, отжившее, ретроградное. Однако под жернова утопии попадали, прежде всего, люди, обладавшие собственным внутренним строем и суверенитетом, те, кого в обиходе мы характеризуем как личности.

Но что же такое формирующееся сейчас на планете комплексное постсовременное общество? Его движитель – трансграничная популяция, чья социетальность представляет синтез процессов и отношений высокоорганизованных индивидов, обладающих развитым интеллектом, культурным капиталом, стойкими мотивациями, владеющих разнообразными, подчас уникальными талантами, искусствами и компетенциями. В подобной ситуации человеческие качества оказываются важнее политических форм. Однако номенклатурная инверсия, моральная контрреволюция и личностная иммобилизация России привели к социокультурному кризису и утрате обществом социальной гармо-

[12] Не столько аналогию, сколько легкий намек на подобную судьбу можно обнаружить при анализе перипетий разделенного морем, но все же территориально близкого франко-алжирского развода или же, например, коллизии британо-ирландского размежевания.

нии и динамической сложности, демонстрируя дефицит национальной элиты и активной гражданской страты. Это становится, в конечном счете, фундаментальным препятствием при освоении протеообразных миров – солидарной устремленности в глубины и расколы эволюционной битвы за будущее.

Испытав очередной неоимперский соблазн, но так и не став евразийским трамплином, Россия-РФ не является также ни современным гомогенным пространством, ни федеративной политической конструкцией, ни уверенно сплоченной "вертикалью власти", обладающей всеми атрибутами суверенной интегральности (интересную проблему *политологического* сочетания "федерации" и "властной вертикали", оставим за скобками). Дело не только в утрате культурного и морального капитала, не только в появлении признаков усугубленной унификации, нарастания регионализма либо национально-этнического сепаратизма. Северный Кавказ, Поволжье, Дальний Восток, Сибирь, Калининградская область, Якутия, Тува – все это разные ситуации, суммарно представляющие одну большую проблему поиска сплачивающей идентичности.

Квазиимперский организм, называемый сегодня Российской Федерацией, также становится "миром корпораций и сообществ", реализуя свою версию приватизации будущего – выстраивая структуру власти не как механизм коэволюционного содружества граждан, но как курирующую государство "опричную" политическую госкорпорацию ("реконструируя структуру, реформирующую систему"[13]) с правящим "(гос)советом директоров", населением в статусе наемных/увольняемых служащих, проводящую оптимизацию собственных дивидендов и осуществляющую специфический трансферт доменов кормления – региональных, административно-ведомственных, производственных конгломератов, и аутсорсинговых агентств – кастово-сословных кланов. Знаки и символы нынешнего российского корпоративизма подобны перевернутому флагу: они опровергают ту личностно-ориентированную реконструкцию, социальную и антропологическую эволюцию, о которой шла речь. Проектирование и созидание будущего нации в нынешние времена – задача достаточно сложная, требующая высокого интеллекта, особых моральных компетенций и профессионального мастерства. И тут мы возвращаемся к оценочным суждениям, высказанным ранее.

DOI: 10.17976/jpps/2020.02.11

THE PRIVATIZATION OF FUTURE. NEW SEMANTICS, CONCEPT & PRACTICE OF THE GLOBAL SOCIETY

A.I. Neklessa[1]

[1]*Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

NEKLESSA, Alexander Ivanovich, Head of the "North-South" Group at the Center for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies; Head of the Commission on Socio-Cultural Issues of Globalization; Member of the Bureau of the Academic Council "History of the World Culture" at the Presidium of the Russian Academy of Sciences, email: neklessa@intelros.ru

Neklessa A.I. The Privatization of Future. New Semantics, Concept & Practice of the Global Society. – Polis. Political Studies. 2020. No. 2. P. 153-166. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.11

Received: 22.04.2019. Accepted: 16.12.2019

[13] Caixin: The Founding Fathers of the United States Created a Superior Structure for the System. – *Chinascope*. 08.01.2016. URL: http://chinascope.org/main/content/view/7640/106/ (accessed 02.02.2020).

Abstract. The world moves toward new semantics, concept and practice of social interactions. Strategic advantage goes to systems able efficiently operate in situations of novelty and uncertainty. Proactive personality, private institutions, cross-border anthropo-social communities replace Leviathan's hierarchies, which lose previous bureaucratic certainty. Empowerment of individuals means the greater variability of global practices and gradual reconfiguration from the symphony of nations to polyphonic polities: the process, resulting in a different amount of risks. Geo-economic logic replace geo-political codes of action. Yet in the mobile world with elastic architecture, socio-cultural attraction (geo-culture) is going to dominate over both of them, accelerating in its turn the redistribution of human resources over the planet (geo-anthropology). The geo-economic model of the world demonstrates six areas: Transnational region (global governance), North Atlantic West (high technology), Pacific ring of the New East (industrial production), Tropical South belt (raw materials economy), "land-ocean" of the Northern Eurasia (very specific area) and the Deep South (trophy-economy). Forthcoming world's cartography involves geo-anthropology as the sum of processes and situations that arise during the deployment and redeployment of human resources on the planet, taking into account their quality. When modeling the new status of global community, Modernity-type regulations become invalid and new categorical apparatus emerges, somehow similar to semantics of quantum mechanics with their principles of uncertainty, complementarity etc. Geo-cultural/geo-anthropological atlas represents clusters of glocal objects with complex architecture organized by social gravity. "Heavy" entities emerge where professional/dynamic anthropological resources – intellectual and human capital of humankind concentrate. Russia demonstrates protective reactions to this new Zeitgeist; the sociocultural and anthropological catastrophe produces a deficit of national elite and active civil society. Such situation is a fundamental obstacle in the evolutionary battle for the future.

Keywords: future, evolution, forecasting, methodology, postmodernity, complex society, individuation, geo-culture, geo-anthropology, Russia.

References

Bak P. 1996. *How Nature Works: The Science of Self-Organized Criticality.* New York: Copernicus Press. 212 p. https://doi.org/10.1007/978-1-4757-5426-1

Experimental Philosophy. 2008. Ed. by J. Knobe, S. Nichols. Oxford: Oxford University Press. 256 p.

Hervieu-Léger D. 2000. *Religion as a Chain of Memory.* Cambridge: Polity Press; Rutgers University Press. 216 p.

Adorno Th. 2003. Negative dialektik. (Russ. ed.: Adorno Th. *Negativnaya dialektika*. Moscow: Nauchnyi mir. 374 p.)

Derrida J. 2000. De la grammatologie. (Russ. ed.: Derrida J. *O grammatologii.* Moscow: Ad Marginem. 512 p.)

Foucault M. 1994. Les Mots et les Choses. Une archéologie des sciences humaines. (Russ. ed.: Foucault M. *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk*. Saint Petersburg: A-cad. 408 p.)

Fukuyama F. 2004. Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity. (Russ. ed.: Fukuyama F. *Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu*. Moscow: AST; Ermak. 730 p.)

Penrose R., Shimony A., Cartwright N., Hawking S. 2008. The Large, the Small and the Human Mind. (Russ. ed.: Penrose R., Shimony A., Cartwright N., Hawking S. *Bol'shoe, maloe i chelovecheskii razum*. Saint Petersburg: Amfora. 191 p.)

Mandelbrot B. 2002. The Fractal Geometry of Nature. (Russ. ed.: Mandelbrot B. *Fraktal'naya geometriya prirody.* Moscow: Institut komp'yuternykh issledovanii (Institute of Computer Science). 656 p.)

Mir v XXI veke: prognoz razvitiya mezhdunarodnoi obstanovki po stranam i regionam. 2018 [The World in the XXI Century: a Forecast of the Development of the International Situation in Countries and Regions]. Ed. by M.V. Aleksandrov, O.E. Rodionov. Moscow: MGIMO University. 768 p. (In Russ.) URL: http://ukros.ru/wp-content/uploads/2018/06/podberezkinai_i_dr_mir_v_xxi_veke.pdf (accessed 02.02.2020).

Neklessa A.I. 2007. A New Ambitious Class. Who Will Carry Out the New Assembly of the World? – *Politicheskii klass*. No. 9. P. 32-46. (In Russ.)

Neklessa A.I. 2016. Cultivators of the future. – *Actual Problems of Economics and Law*. Vol. 10. No. 2. P. 22-37. (In Russ.) http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.10.2016.2.22-37

Polanyi M. 1985. Personal Knowledge. Towards Post-Critical Philosophy. (Russ. ed.: Polanyi M. *Lichnostnoe znanie: Na puti k postkriticheskoi filosofii*. Moscow: Progress Publishers. 344 p.)

Prigogine I. 2000. The End of Certainty. Time, Chaos and the New Laws of Nature. (Russ. ed.: Prigozhin I. *Konets opredelennosti. Vremya, khaos i novye zakony prirody*. Izhevsk: Regulyarnaya i khaoticheskaya dinamika. 208 p.)

Smith A. 1997. The Theory of Moral Sentiments. (Russ. ed.: Smith A. *Teoriya nravstvennykh chuvstv.* Moscow: Respublika. 351 p.)

Smith A. 2017. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. (Russ. ed.: Smith A. *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov.* Moscow: Eksmo. 1056 p.)

Weber M. 1990. Die Protestantische Ethik und der "Geist" des Kapitalismus. (Russ. ed.: Weber M. Protestantskaya etika i dukh kapitalizma. – Weber M. *Izbrannye proizvedeniya*. Moscow: Progress Publishers. P. 44-271).

Литература на русском языке

Адорно Т. 2003. *Негативная диалектика*. М.: Научный мир. 374 с.

Вебер М. 1990. Протестантская этика и дух капитализма. – Вебер М. *Избранные произведения*. М.: Прогресс. С. 44-271.

Деррида Ж. 2000. *О грамматологии*. М.: Ad Marginem. 512 с.

Мандельброт Б. 2002. *Фрактальная геометрия природы*. М.: Институт компьютерных исследований. 656 с.

Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам. 2018. Под ред. М.В. Александрова, О.Е. Родионова. М.: МГИМО-Университет. 768 с. URL: http://ukros.ru/wp-content/uploads/2018/06/podberezkinai_i_dr_mir_v_xxi_veke.pdf (accessed: 02.02.2020)

Неклесса А.И. 2007. Новый амбициозный класс. Кто осуществит новую сборку мира? – *Политический класс*. № 9. С. 32-46.

Неклесса А.И. 2016. Культиваторы будущего. – *Актуальные проблемы экономики и права*. Т. 10. № 2. С. 22-37. http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.10.2016.2.22-37

Пенроуз Р., Шимони А., Картрайт Н., Хокинг С. 2008. *Большое, малое и человеческий разум*. СПб.: Амфора. 191 с.

Полани М. 1985. *Личностное знание: На пути к посткритической философии*. М.: Прогресс. 344 с.

Пригожин И. 2000. *Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы*. Ижевск: Регулярная и хаотическая динамика. 208 с.

Фуко М. 1994. *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук*. СПб.: A-cad. 408 с.

Смит А. 1997. *Теория нравственных чувств*. М.: Республика. 351 с.

Смит А. 2017. *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М.: Эксмо. 1056 с.

Фукуяма Ф. 2004. *Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию*. М.: АСТ; Ермак. 730 с.